

**КНИГА Ю. ТЕРАПИАНО «ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ПАРИЖА ЗА ПОЛВЕКА (1924 – 1974):
ЭССЕ, ВОСПОМИНАНИЯ, СТАТЬИ» КАК МЕМУАРНЫЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИЙ ПАМЯТНИК**

Стаття присвячена найвідомішій книзі «паризького киянина» Ю. Терапіано, яка досі є джерелом відомостей про життя письменників у еміграції, але не вивчалася як мемуарна та літературно-критична пам'ятка тієї доби. Встановлюється жанрова приналежність матеріалів, які зібрано у книзі, робляться спостереження над взаємодією критичного, мемуарного та художнього елементу в них. Робиться спроба виявити естетичні та літературні позиції Ю. Терапіано.

Ключові слова: мемуари, літературний портрет, проблемна стаття, рецензія, нарис творчості.

Статья посвящена наиболее известной книге «парижского киевлянина» Ю. Терапиано, которая до сих пор является источником сведений о жизни писателей в эмиграции, но не изучалась как мемуарный и литературно-критический памятник той поры. Устанавливается жанровая принадлежность материалов, собранных в книге, делаются наблюдения над взаимодействием критического, мемуарного и художественного элемента в них. Предпринимается попытка выявить литературные и эстетические позиции Ю. Терапиано.

Ключевые слова: мемуары, литературный портрет, проблемная статья, рецензия, очерк творчества.

The article is devoted to the most famous book “Parisian resident of Kiev” by Yu. Terapiano which is a source of information about writers` life in emigration up till now but it hasn`t been learnt as a memoirs and literary-critical memorial of that period.

Key words: memoirs, literary portrait, problem article, review, essay works.

История литературы русского Зарубежья, как известно, изучена неравномерно. Исследователи сосредоточились, в основном, на творчестве писателей первого ряда, постепенно осмысливая его отдельные стороны. Наследие же молодых, сформировавшихся уже в эмиграции писателей, изучено недостаточно и только в последние годы входит в читательский и научный оборот. Это связано с трудностью доступа в зарубежные архивы, отсутствием сколько-нибудь полной библиографии и тем, что многие их произведения все еще разбросаны по периодическим изданиям русской эмиграции. К поколению, которое сформировалось еще в России, но вошло в литературу именно в эмиграции, принадлежит и Юрий Константинович Терапиано.

Сведений о его жизни сохранилось не так много. В наиболее полном виде биография писателя представлена в статье Т.Г. Юрченко «Свидетель многих лет» [3: 5 – 16], предваряющей публикацию книги «Встречи. 1926 – 1971». Она полагает, что писателя нуж-

но относить не к «старшему» поколению писателей-эмигрантов, среди которых были З. Гиппиус, Д. Мережковский, И. Бунин, К. Бальмонт и Вл. Ходасевич, и не к «среднему», к которому принадлежали М. Алданов, Г. Адамович и Г. Иванов, а к самому молодому. В свою очередь, он был «заслуженным мэтром для молодых поэтов послевоенного времени» [3: 5]. Т.Г. Юрченко воссоздает известные ей факты жизни писателя, которая тесно связана с Украиной.

Наследие Ю.К. Терапиано многообразно. Он входил в литературу как поэт, но большая часть написанного им относится к литературной критике, в которой со всей полнотой выразились в его литературные и эстетические позиции. Он был не только ценителем и любителем эмигрантской литературы, но и ее летописцем. Благодаря книгам Ю. Терапиано «Встречи» и «Литературная жизнь Парижа...» сохранены и оценены поздние произведения известных русских писателей, а также начинающих литераторов, воссоздана сама атмосфера писательского сообщества за границей. Многие его оценки не потеряли своей актуальности и до сегодняшнего дня. Часть из его статей, рецензий, замечаний была собрана в известную книгу «Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924 – 1974): эссе, воспоминания, статьи», так и оставшуюся незавершенной. Анализ этой части его наследия дает возможность говорить о том, что Ю. Терапиано был наследником лучших традиций русской литературной критики. Он использовал присущее ей жанровое разнообразие форм, обновляя их индивидуальными чертами, позволявшими автору лучше, образнее, точнее выразить свои оценки и взгляды.

Эта книга Ю. Терапиано стала одной из самых известных в его наследии. Она уже почти двадцать лет является источником сведений о жизни русской литературной эмиграции, а также собранием материалов, посвященных литературе той поры. В первой части собраны рецензии, статьи и литературные портреты. Во вторую вошли литературные портреты цикла «Зарубежные поэты», а в третью, названную «Два поколения прозаиков», – литературные портреты создателей русской прозы. Все они объединены позицией автора, проявляющейся в отборе имен, произведений, явлений, которые подвергнуты анализу. Она стала настоящим мемуарным и литературно-критическим памятником той эпохи. Цель данной статьи состоит в том, чтобы проанализировать первую часть этой книги в тематическом и жанровом аспекте. Она открывается двумя материалами – о воспоминаниях М. Цветаевой «Проза» (1954) и сборнике ее стихов (1976). Обе являются по жанру рецензиями, написанными как отклик на произведение. В книгу Ю. Терапиано включена также статья «Константин Бальмонт». Напомним, что о поэте он уже писал во «Встречах», и тот мемуарный очерк содержал описание его внешности, положения в среде эмигрантов, а также сцену похорон. В книге «Литературная жизнь русского Парижа за полвека» Бальмонту посвящена юбилейная статья. Ю. Терапиано осмысляет его вклад в русскую поэзию, учитывая ее развитие: поэт видится ему сквозь призму творчества И. Анненского, А. Блока, А. Ахматовой, О. Мандельштама, Б. Пастернака и М. Цветаевой. Это как бы «обратное» зрение позволяет ему определить слабости Бальмонта, его чрезмерную «напевность», которая сменилась в русской поэзии точностью мысли, выверенным словом. Критик, таким образом, устанавливает место Бальмонта в историко-литературном контексте: он говорит, что поэт изменил облик поэзии в сравнении с предшественниками, но оказался в тени своих последователей, сделавших следующие шаги в ее развитии. Ю. Терапиано полагал, что поэзия, направленная во вне, а не внутрь,

ее мечтательность, отражение «мимолетности» перестали отвечать чувствам и переживаниям современников. Критик отдает должное оригинальному явлению и понимает, насколько мало сделано для его изучения. Можно сказать, что время подтвердило его мнение: стихотворения Бальмонты изданы, но в сборники, как правило, собираются только его лучшие стихи. Намеченные Ю. Терапиано направления исследований в полной мере реализовались лишь в наше время.

Следующие семь статей в книге Ю. Терапиано объединены именами Д.С. Мережковского и З.Н. Гиппиус и занимают в книге особое место. После статьи о Бальмонте, одном из первых русских символистов, разговор ведется об основателях символизма и «нового религиозного сознания»: Ю. Терапиано осмысляет наследие Мережковского, потом Гиппиус, затем приводит стенограммы заседаний общества «Зеленая лампа» – главного детища Мережковских в Париже и говорит об одном из его участников – Керенском, затем характеризует «Смотр» и личность секретаря З. Гиппиус и автора воспоминаний о ней Вл. Злобина. Следующей в книге помещена статья «Спорт символистов с акмеистами и наше время», которая хронологически соответствует смене литературных течений в начале XX в. Эти статьи, объединенные одной темой, представляют большой историко-литературный интерес. В частности, критик публикует стенограммы нескольких заседаний «Зеленой лампы», которые благодаря ему стали известны научной общественности. Они являются источниками сведений о тематике и атмосфере заседаний, о высказываниях участников, их точках зрения. Такой же интерес представляет и статья о «Смотре», сборнике статей, задуманном З. Гиппиус в 1939 г., сведений о котором сохранилось чрезвычайно мало. Некоторую сложность представляет их жанровая атрибуция. С одной стороны, во всех названных статьях силен мемуарный элемент: критик пишет о том, чему был свидетелем, что ему вспоминается в связи с именами великих современников. С другой, – все материалы посвящены деятелям литературы, автор оценивает роль их объединений и групп, их творчество и вклад в историю русской словесности. Потому, полагаем, что, например, статью «Дмитрий Мережковский: взгляд в прошлое» (1961) можно отнести к очерку творчества, являющегося, по классификации В. Перхина, жанровой разновидностью литературного портрета [1: 119 – 125]. В очерке творчества, как известно, обычно большее внимание уделяется мыслям и взглядам писателя, чем его внешности, оценивается его творчество, а не особенности личности. В заглавии очерка использовано словосочетание «взгляд в прошлое». Оно относится не к позиции автора, а к поискам Мережковского, который в последние годы своей жизни писал о древних цивилизациях или мистиках прошлого. Потому Ю. Терапиано анализирует его египетские разыскания, обращаясь к сопоставлению христианских представлений с зороастризскими, ему самому чрезвычайно интересными. Подробно анализируя различные верования древности, критик обнаруживает прочные и разносторонние знания об этом предмете, потому его суждения о религиозно-философской концепции Мережковского выглядят убедительно и аргументировано. Значительное место в очерке творчества писателя отведено осмыслению его политической позиции. Ю. Терапиано стремится ответить на вопрос, волновавший не только современников, но и исследователей конца XX в. об отношении Мережковского к диктаторам. Критик полагал, что оно было самонадеянным и наивным, связанным с особенностями психологии писателя, который намеревался «давать директивы», а диктаторы «должны были исполнять вою миссию» [2: 31]. Такой

взгляд на Пилсудского, Муссолини, Гитлера не только дискредитировал писателя в глазах русской общины за границей, но и повлиял на его репутацию в России. Ю. Терапиано, однако, не спешил осуждать Мережковского, объясняя его позицию тем, что он жил в своих эсхатологических построениях, далеких от современности, писал «Тутанкамон на Крите» и религиозно-философские эссе и не совсем верно представлял себе действительное положение вещей. Сведения о том, что происходило в странах, оккупированных фашистами, сильно охладили его увлеченность диктаторами.

В очерке творчества Мережковского, таким образом, проявились взгляды и позиции Ю. Терапиано. Он полагал, что творчество писателя является яркой страницей русской литературы и недооценено в связи со снижением уровня культуры его читателей. Религиозные воззрения Мережковского были ему не близки, однако вызывали его интерес и попытку установить их истоки и специфику. Критик оправдывал политическую близорукость Мережковского и видел в ней иную сторону того мира, в котором писатель жил как религиозно-философский мыслитель.

К жанру очерка творчества относится, по нашему мнению, и следующая глава книги – «Зинаида Гиппиус» (1976). Критик стремится осмыслить особенности творческого пути поэтессы, начиная с ее ранней поэзии. Он сопоставляет расхожие мнения о Гиппиус тех, кто не понимал истинной ценности ее творчества, и мнение И. Анненского, который уже в 1904 г. сумел разглядеть «настоящую Зинаиду Гиппиус». Осмысляя особенности поэзии, критик неожиданно обрывает себя: «Я не хочу здесь больше говорить о значении поэзии Зинаиды Гиппиус», и останавливается лишь на одном из ее жанров – молитве, которая позволяет ему вскрыть особенности ее духовного мира. Как и у Мережковского, критик обнаруживает у Гиппиус преобладание ума над сердцем.

Тематически к этим материалам примыкает мемуарный очерк «Конец Мережковских» (1973). Обращает на себя внимание название: в нем, с одной стороны, подчеркивается, что речь пойдет о завершении большой жизни, а с другой, – семейной пары, а не каждого из писателей в отдельности. Ю. Терапиано рассказывает об их переезде из Парижа в Биарриц, откуда перестали приходить известия об их жизни, а также об оккупации французской столицы и о том, как русские эмигранты сопротивлялись ей. Критик вспоминает, как заболел и оказался в больнице, где в палате услышал по радио взволнованную речь Мережковского о Гитлере. Ю. Терапиано с сочувствием воссоздает последние дни писателя, оказавшегося в изоляции, и вспоминает о том, как переживала смерть мужа З. Гиппиус. После смерти самой Гиппиус Ю. Терапиано присутствовал при приготовлении к похоронам. В их описании он проявляет свое художественное дарование, рисует яркий и выпуклый образ, оставляющий эмоциональное впечатление.

Эта же особенность характерна и для литературного портрета «Владимир Злобин» (1968). Как известно, В.А. Злобин был многолетним секретарем Мережковских, проводившим их обоих в последний путь. В истории литературы эта личность так и осталась в тени его великих подопечных, и Ю. Терапиано предпринимает попытку закрепить свои воспоминания о нем. Критик сначала дает описание его внешности, затем говорит о его роли, заключающейся в том, чтобы вести хозяйство, принимать гостей, помнить даты, рассказывать Мережковским о событиях, происходивших на Монпарнассе и пр. На нем же лежала не только организация заседаний «Зеленой лампы», но и всей жизни стареющей писательской пары.

Ю. Терапиано подробно и с благодарностью говорил о редакторских способностях В. Злобина, который умел утихомиривать Мережковских и делать возможной коллективную работу над «Новым Кораблем», журналом, выходявшим в конце 1920-х гг., где печатались стенограммы заседаний «Зеленой лампы», а также с сожалением писал о влиянии, которое оказала З. Гиппиус на его поэзию. Ю. Терапиано выдвигает предположение, что В. Злобин создал себе выдуманнный образ поэтессы и установил с ней сложные для него отношения. Эстетические пристрастия В. Злобина определили его взгляд на личность З. Гиппиус. Этот вывод имеет важное значение для оценки воспоминаний о З. Гиппиус, написанных В. Злобиным: историк литературы должен учитывать его глубоко субъективное отношение к поэтессе.

Еще несколько важных историко-литературных замечаний сделаны Ю. Терапиано в проблемной статье «Спорт символистов с акмеистами и наше время» (1960). В ней он высказал соображения, которые сегодня не вызывают сомнения, о том, что поэзия русского символизма «не заметила» Ин. Анненского. В те годы многие положения статьи Ю. Терапиано были новаторскими. Он полагал, что русская поэзия в зарубежье развивалась под влиянием Ин. Анненского и обнаруживал близость его творчества поэзии С. Малларме. Интересно, что символизм В. Брюсова он называл «доморощенным и провинциальным», а творчество Вяч. Иванова ставил ниже творчества Ин. Анненского. Важной представляется мысль критика о том, что оказавшись его учеником, Гумилев повернул русскую поэзию в сторону европейского вектора ее развития. Критик предполагал, что дальнейшее развитие Гумилева как поэта могло бы привести его к русской духовной традиции. Еще одно важное наблюдение критика связано с творчеством О. Мандельштама. Ю. Терапиано обнаружил в его поздних стихах отход от акмеизма, особенно в тех, которые попали в эмиграцию уже к середине XX века. Изменение поэтики Н. Гумилева и О. Мандельштама, тяготение в их последних произведениях к метафизике и символизму Ю. Терапиано истолковывает как свидетельство доминирования в русской поэзии «духовной ноты». Эта проблемная статья, думается, проливает свет на взгляды критика относительно развития русской поэзии. Он полагал, что еще в XIX в. она имела два вектора: один из них – выражение духовной сущности русской души, а второй – поиски в области формы, которые заимствованы русской поэзией из поэзии европейской. Потому акмеизм, по мнению Ю. Терапиано, удаляясь в область формы, сближал русскую поэзию с европейской, но его путь лежал все же к выражению духовных основ бытия, о чем свидетельствовал поздняя лирика его основателей.

Первую часть его книги завершают литературные портреты, относящиеся к разным жанровым разновидностям. Наиболее плодотворная для Ю. Терапиано – очерк творчества. К ним можно отнести «Владислав Ходасевич» (1973) и «О поэзии Георгия Иванова (слово на вечере "Поэты о поэтах")» (1971), в которой проявился иной элемент – проблемный, что сближает его с проблемной статьей. Ценностью статьи Ю. Терапиано является анализ малоизвестной послевоенной поэзии Г. Иванова и его современников. Он отмечал изменения в мироощущении людей после атомных бомбардировок, вследствие стремительного развития науки и техники, новых настроений в общественной жизни. Это совершенно новая особенность, которая не была присуща классической поэзии. Г. Иванов сумел уловить и выразить безнадежное положение человека в послевоенном

мире, а также предвидеть его будущее. Анализируя предсмертные стихи поэта, критик обращает внимание на просветление и примирение с постылым для него миром.

Разумеется, в рамках сообщения нет возможности дать подробную характеристику книги Ю. Терапиано, но некоторые выводы сделать все же можно. Она представляет собой важнейший мемуарный и литературно-критический памятник той эпохи. В нее вошли наиболее значительные исследования критика, свидетельствующие о том, что даже в чрезвычайно тяжелые для эмиграции годы он предъявлял к литературе высокие требования духовности, содержательности и формального мастерства.

Мемуарная сторона памятника представляет собой скупые, порой краткие воспоминания критика о писателе, которые вкрапляются в текст статей и литературных портретов. Их отличительная особенность состоит в большом такте, с которым критик говорит о современниках. В текст вводятся лишь те личные воспоминания, которые дают возможность лучше понять творчество писателя или его произведения. Ю. Терапиано не сообщает слухов, недостоверных подробностей, не открывает личных, семейных, дружеских тайн. Мемуарное, таким образом, способствует решению литературно-критических задач.

Как историк литературы и литературный критик Ю. Терапиано в эмигрантской среде стоит особняком. С одной стороны, он выступает в роли хроникера и хранителя памяти, когда фиксирует, записывает, отмечает события в литературной жизни, периодические издания, их состав и их участников, заседания литературных кружков, ведет их хронику. С другой, – эта деятельность важна ему не для создания справочника, как у Г. Струве, или мемуаров, как это делали многие его современники. Он писал «живую» историю русской литературы в эмиграции в персоналиях, кружках и объединениях, акцентируя внимание на эстетической ценности того, что они делали.

Как литературный критик Ю. Терапиано работал в разнообразных жанрах, ведущим из которых стал литературный портрет. В нем в полной мере выразился его писательский талант и зоркость критика, умевшего среди массы начинающих поэтов и писателей выделить и оценить того, кто олицетворял собой будущее русской литературы. Потому в его наследии можно выявить сквозные темы, разрабатываемые в разных жанрах, имена, к которым он возвращался на протяжении всей жизни. Он также внес существенный вклад в развитие жанра статьи и рецензии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Перхин В. «Открывать красоты и недостатки...» Литературная критика от рецензии до некролога. Серебряный век / Владимир Перхин. – СПб.: «Лицей», 2001. – 256 с. (Серия «Школа плюс»).

2. Терапиано Ю. Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924 – 1974): эссе, воспоминания, статьи [Сост. Рэне Гера и Александр Глэзер, авт. послеслов. Рэне Герра]. – Париж, Нью-Йорк: Издательства Альбатрос – Третья волна, 1987. – 321 с.

3. Юрченко Т.Г. Свидетель многих лет / Татьяна Генриховна Юрченко // Терапиано Ю.К. Встречи: 1926 – 1971 [Вст. ст., сост., подг. текста, ком., указатели Т.Г. Юрченко]. – М.: Intrada, 2002. – 384 с. (ИНИОН РАН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отдел литературоведения).